

## Стратегический цугцванг и страхи Кремля

В передовице свежего ноябрьско-декабрьского номера журнала “Россия в глобальной политике” его редактор Фёдор Лукьянов утверждает: *«Драма на Ближнем Востоке подтвердила то, о чём мы же давно писали, – трансформация мира происходит через череду острых локальных конфликтов, каждый из которых балансирует на грани перехода в общемировой»,* – и завершает свою мысль грозным предостережением: *«Ограничитель в виде ядерного сдерживания пока работает»*. Журнал вышел в свет 1 ноября. 26 октября в принадлежащей Балтийской медиа группе (БМГ) газете “Комсомольская правда” появилось интервью того же Лукьянова с громким названием “Третья мировая уже идёт”. Как объяснить произошедший за пять дней метаморфоз уже идущей мировой войны в *балансирование* на грани перехода к общемировому конфликту?

Можно вспомнить, что Сергей Руднов, нынешний главный бенефициар популярной газеты, является сыном основателя БМГ Олега Руднова, который был деловым партнёром Юрия Ковальчука, совладельца банка “Россия”, Национальной медиа группы и близкого друга президента Владимира Путина (“Коммерсантъ”, 3.07.2007). Можно порассуждать о различии аудиторий журнала внешнеполитической элиты и “народной” газеты. Но, скорее всего, мы имеем дело с замешательством в среде российского правящего класса. Стратегический цугцванг (см. сентябрьский и октябрьский номера нашей газеты за прошлый год), в котором оказался российский империализм, заставляет его надеяться на чудесное воскрешение из мёртвых. Причём произойти это должно то ли в мясорубке мировой войны, то ли в радиоактивном пепле ядерных взрывов.

### Время отчаяния

В упомянутом интервью “Комсомольской правде” Лукьянов говорит: *«Стратегия Москвы, если я правильно её понимаю, при любых сценариях более-менее консервативных, без перехода к войне Россия – НАТО, исходит из того, что наш ресурс больше, чем тот, который могут дать Украине. И поэтому, в конце концов, наша возьмёт. Правда, возникает другой вопрос – допустим, пересидели. Что мы дальше-то делать будем? Вот это, на мой взгляд, вопрос посложнее»*. И этот более сложный вопрос он оставляет без ответа, если не считать таковым фразу, что *«есть ядерное оружие, которое пока многих сдерживает»*.

Более опытный коллега Лукьянова по цеху экспертов-международников, научный руководитель факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ Сергей Караганов, первым по ходу нынешнего военно-политического кризиса поставивший вопрос о применении Россией ядерного оружия, которое *«может уберечь человечество от глобальной катастрофы»* (“Профиль”, 13.06.2023), в недавнем интервью газете “Московский комсомолец” (9.10.2023) утверждает, что *«большая термоядерная война надвигается – не только и даже не столько из-за ситуации на Украине. Есть гораздо более глубокие причины»*. *«В первую очередь»*, по словам Караганова, это связано с тем, что *«Запад перешёл в отчаянное контрнаступление, понимая, что сейчас он теряет своё основанное на военном превосходстве пятистолетнее доминирование»*. Караганов предупреждает полумиллионную аудиторию газеты: *«У нас и мира осталось максимум ещё несколько лет для предотвращения скатывания в глобальную войну»*.

Старший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ Андрей Фролов рассуждает о *«закрывающихся окнах возможностей»*, вынуждающих *«акторов действовать именно так, а не иначе»*, то есть всё чаще прибегать к силовым методам (“Россия в глобальной политике”, 30.10.2023). Он предлагает задуматься о том, какие из окон *«могут захлопнуться в обозримом будущем»*, высказывая предположение о том, что *«следующего конфликта стоит ожидать на Тайване [...] Видимо, 2025–2027 гг. станут рубежными для Пекина в принятии решения о силовом решении вопроса»*.

Возможно, российские эксперты-международники поверили Кассандре, но резкие перепады настроений от заявлений о неминуемой победе и последующем наступлении эры *справедливого многополярного мира* до призывов к спасению человечества посредством его уничтожения в ядерной войне напоминают скорее попытку самовнушения, самооправдания или поиска живой воды.

## Украинская авантюра как триггер перемен

Статья директора Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ Василия Кашина является дополнительным подтверждением нашей гипотезы. *«Численное соотношение сил к лету 2023 года изменилось в пользу России. Российская линия обороны была отлично оборудована и укреплена. Стала приносить очевидные результаты и мобилизация отечественной промышленности».* Но при этом, утверждает автор, *«конфликт вступает в опасную фазу»*, противник, понимая, что *«его положение ухудшается [...] может попытаться выйти из тупика за счёт резкой эскалации».* Кроме того, *«резкое изменение соотношения сил на поле боя в пользу России может вернуть на повестку дня и варианты ввода на украинскую территорию войск отдельных стран НАТО, из-за чего Россия и США могут оказаться на грани ядерного кризиса».* Избежать этого возможно, считает эксперт, лишь в том случае, *«если главные участники конфликта начнут диалог, учитывающий объективно сложившиеся условия»* (“Профиль”, 01.11.2023).

По всей видимости, российский империализм использует разговоры об эскалации для того, чтобы заставить Вашингтон сесть за стол переговоров и вернуться к обсуждению предложений о безопасности в Европе, выдвинутых 17 декабря 2021 года. Но даже если предположить вероятность такого развития событий, в воздухе, как топор, висит вопрос Лукьянова: *«Что мы дальше-то делать будем?»*

*«США могут увязнуть в конфликтах на Ближнем Востоке с Ираном и его союзниками и на Дальнем Востоке с Китаем и КНДР»*, – рассуждает Кашин. Но, продолжает он, *«речь идёт лишь о вероятностях, зависящих от многих факторов, повлиять на которые Москва не может или почти не может».* Поэтому *«российское планирование должно исходить из худшего сценария – быстрой ремилитаризации Украины. Следовательно, с точки зрения Москвы, СВО не может завершиться, пока эта угроза не устранена».*

Если это так, то, скорее всего, из Кремля столкновение с НАТО видится безальтернативным. Возможно, именно этой точки зрения придерживается правящая фракция российского капитала, которая на данный момент в определённой мере даже укрепила свои позиции. Пока из среды крупной российской буржуазии не доносятся голоса, выражающие внятную альтернативу нынешней линии Кремля, но углубление военно-политического кризиса неизбежно будет порождать недовольство, поводов для которого хватает уже сейчас. Линии разлома будут расширяться. Летний кризис на розничном рынке нефтепродуктов является первым проявлением этой тенденции.

## “Не получилось”

Именно так называется цитируемая статья Кашина. Автор имеет в виду, что Украине не удалось контрнаступление. *«Стратегическое положение Украины ухудшается. Всё очевиднее признаки её истощения».* Насколько позволяет оценить ситуацию туман войны, Кашин прав. Но в не меньшей мере это применимо и к России: она погрязла в войне на истощение, попав в практически безвыходную ситуацию стратегической зависимости от Китая.

Заведующий сектором международных военно-политических и военно-экономических проблем ЦКЕМИ НИУ ВШЭ Прохор Тебин подмечает, что *«повсеместное распространение смартфонов, социальных сетей и интернета создали феномен “войны в режиме реального времени” и кажущуюся максимальной транспарентность боевых действий, беспрецедентную в человеческой истории. [...] информационное пространство, а через него и когнитивное, становится местом боевых действий, ареной для проведения операций и кампаний. Эта ситуация гораздо сложнее и запутаннее простого “тумана войны” или пропаганды образца, например, первой половины XX века»* (“Валдай”, 31.10.2023). Но даже сквозь этот туман всё более отчётливо видна усталость пролетарских масс от их политики, которая регулярно порождает кризисы и войны. Пока это чаще всего проявляется в тупой апатии.

Русско-английский философ Исайя Берлин (1909–1997), побывав в Москве в 1945 году, пришёл к выводу, что Сталин изобрёл особый способ управления, который основан на постоянном поиске среднего *«между “диалектическими противоположностями” апатии и фанатизма»* (“История свободы”, 2001). Тот же поиск баланса между апатией молчаливого большинства и фанатизмом приверженцев идей “русского мира” лежит в основе путинской

внутренней политики. *«Средние и мелкие чиновники, обеспечивающие функционирование военно-политической машины Кремля; окологосударственный бизнес, занявшийся импортозамещением и обходом санкций; верхний средний класс и руководство так называемых бюджетных организаций, вынужденные тем или иным образом демонстрировать лояльность войне, – это несколько миллионов человек, без видимого желания, но и без видимого усилия вписавшихся в моральную экономику военной агрессии»* (“Медуза”, 21.07.2023).

При этом внешнеполитическое давление и структурные слабости российской экономики являются той водой, которая уже подтачивает внешне монолитную, но внутренне апатичную путинскую вертикаль. Чиновники, ожидавшие карьерного роста в связи с поддержкой войны на Украине, зачастую оказываются у разбитого корыта, а их коллеги, изначально выбравшие стратегию молчания, под давлением извне порой вынуждены с неохотой публично одобрять линию правящей фракции. Это мнимая стабильность. Вероятно, это понимают и в Кремле, но в условиях цугцванга любой следующий ход приводит к ухудшению текущего положения.

### **Класс против класса**

4 октября рабочие-вахтовики Ковыктинского месторождения, являющегося рекордсменом по запасам газа в Восточной Сибири и поставляющего его в трубопровод “Сила Сибири”, объявили забастовку из-за невыплаты зарплаты и плохих условий труда. Предприятие, нанявшее вахтовиков, входит в холдинг “Газстройпром” – дочернюю строительную структуру “Газпрома”. *«Мы тут в рабстве»*, – заявили рабочие (*The Moscow Times*, 09.10.2023).

Капитализм – это общество наёмного рабства. Осознание собственных классовых интересов является первым шагом к освобождению. Ответом на фанатизм и апатию правящего класса может быть лишь сознательное действие пролетариата. Необходимым условием является интернационалистическая оппозиция войне.

Ноябрь 2023 г.